

Дмитрий Быков

ВОКРУГ СМЕРТИ

Японская культура построилась вокруг смерти, сказал однажды БГ, выдав это, правда, за цитату из анонимного друга. В Японии мало всего, и прежде всего пространства, – отсюда, с одной стороны, тяга к миниатюризации гаджетов, компактности и экономичности автомобилей, простору жилищ (потому что на самой территории тесно), а с другой стороны – постоянная память о пределе, неотступная мысль о конце. Причем это не панический, европейский, кьеркегоровский ужас, а спокойное, несколько даже демонстративное умение исходить из данности, все поверять идеей гибели, с утра представлять вместо зарядки разнообразные ее варианты и т.д. Не скажу, чтобы это слишком благоприятно сказывалось на национальном характере, скрытном, трагическом, суицидальном, – но на развитии стра-

ИЛЛЮСТРАЦИИ: КЭЙКО КОБАЯСИ

ны, спору нет, сказалось отлично. Страна, много думающая о смерти, значительно лучше ведет себя в жизни. Александр Мамут, русский бизнесмен, издатель и культуртрегер, рассказал такую историю. Ему нужен был чисто практический совет от Романа Абрамовича, а тот все ускользал от внятного ответа, пока они наконец не оказались в одном лифте, и деваться было некуда.

– Слушай, – сказал Абрамович. – Ты вообще помнишь, чем все кончится?

– В этой сделке?

– Нет, вообще.

– Ну... помню.

– Вот из этого и исходи.

Если честно, лучшего совета я за свою жизнь не давал, не получал и не слышал. Япония следует этому принципу постоянно, и дело тут, думаю, не только в малости территории, но и в скудости природы.

Японская природа требовательна, неласкова, климат суров, в особенности на севере, а полезных ископаемых, если не считать красиво звучащих «свинцово-цинковых руд», такой минимум, особенно если учесть низкое качество угля и глубину залегания нефти... В Японии всего мало, кругом море, долгая замкнутость опять не способствует открытости национального

характера – вежливость в Японии доведена до той грани, за которой начинается уже герметичность: этой национальной добродетели посвящен знаменитый «Носовой платок» Акутагавы. Как знать, не будь Акутагава так закрыт – и в текстах, и в повседневной жизни, – он, может, не кончил бы безумием и самоубийством. Самоубийство в японской системе ценностей – такой же атрибут святости, как в России его осуждение. Японец кончает с собой при всяком удобном случае, полагая это высшим героизмом и отказываясь примириться с неправильным мироустройством, – тогда как русский притирается к любому мироустройству, мирится с любыми невыносимостями, и именно такую адаптивность полагает особой доблестью. При всей любви к родному народу симпатичней мне японский вариант. В Японии люди поразительно здоровы – в том смысле, в каком употребляет это слово военврач, признавая солдата годным к службе: служба – практически

перманентное состояние японца, он и ночью, во сне ощущает себя на посту. Едва ли не самая полезная и стимулирующая из когда-либо написанных книг – «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо; бусидо в изложении автора – наиболее радикальный вариант христианства, если не считать императивно-самурайского призыва к действию, а не к терпению. «Исполни решимости и действуй». В терминологии Цунэтомо «исполниться решимости» значит считать себя уже мертвым; «это нетрудно», добавляет он. Я не убежден, что самурайская этика как таковая способствует милосердию. Жить, словно ты уже умер, никогда не полагая жизнь серьезной ценностью, – вот основа японской морали, в которой потеря лица страшной любого преступления против личности. Я не уверен, что могу эти принципы соблюдать (и кто из нас в этом уверен, пока жив?), но ничто не мешает мне ими любоваться.

Японская кухня точно так же строится на идее риска, зачастую смертельного. Все знают про «рыбу фугу», но не все знают, что можно так построить ее рацион, чтобы она сделалась практически неядовитой. Безопасный способ готовить знаменитую рыбу был всенародно похерен. Как, неядовитая фугу?! Да это попрание основ! Согласно знаменитой формулировке Акутагавы, «все мы живем в тени феодализма», а тень феодализма предполагает легкое отношение к смерти и ежечасный поиск опасности. Сам я фугу не

Страна, много думающая о смерти,

значительно лучше ведет себя

в жизни.

пробовал, слава Богу, поскольку пребывание мое в Японии еще в студенческие годы не предполагало больших расходов, – но друзья рассказывали, что частичный паралич лицевых мышц и онемение языка доставили им незабываемые ощущения. Вкуса рыбы они не помнили. Полагаю, что на вкус это примерно как смерть – событие налицо, но распробовать не успеваешь.

Как известно, голодарь у Кафки голодал лишь потому, что не нашел под луной ничего, приходящегося ему по вкусу. Японское стремление к смерти – тоже ведь не от жестокости, а напротив, от особенно утонченного милосердия, которое не желает

мириться с этим чересчур грубым миром. Японская культура полна не жестокости, а тонкости, страдания, нежности – столь сильных, что при столкновении с реальностью носителю этих качеств остается только убить себя, чтобы не скомпрометировать драгоценные и хрупкие вещи. Этой же безмерной утонченностью проникнута японская поэзия, поистине оплаченная жизнью. Написать стихок перед смертью считается высшей доблестью; всякий самурай должен владеть не только мечом, но искусством стихосложения, и только мы, поклонники Цунэтомо, понимаем, что это близкие вещи. Есть три бесспорных шедевра японского кино, в которых эта болезненная красота явлена с наибольшей наглядностью. Все это, к сожалению, не Куросава – есть более тонкие и чувствительные авторы – Мидзогути, Осима и Имамюра. В самой Японии, ночью, посмотрел я по телевизору «Легенду о Нараяме» с английскими титрами – и никогда не забуду, как проревел битый час над этой невыносимо грустной, отчаянно жестокой, божественно красивой картиной; без грубости, оттеняющей мучительную мощь финала, чуда не было бы. В другой раз, тоже бессонной ночью и тоже в сильной тоске, на Суздальском кинофоруме, я попросил соседа по номеру, легендарного киноэрудита Андрея Шемякина, рассказать мне какой-нибудь триллер, чтоб хоть бодрствовать с пользой. И Шемякин буквально по кадру рассказал мне, а впоследствии в музее кино и показал «Сказки туманной луны после дождя» Мидзогути: там то же сочетание нежности и жестокости, и только этим объясняется мистическая аура, недосказанность, туманность этого отличного и странного фильма. А уж «Империю чувств» я посмотрел с подачи Кирилла Разлогова – и не могу не согласиться с ним: мало есть в мире таких великих картин. Речь не о редких по открытости сексуальных сценах, а вот о том эпизоде, когда Тацую Фудзи идет по теневой стороне улицы, весь черный от страсти и страдания, а навстречу бодро маршируют солдаты. Бедный Эрос идет навстречу ликующему Танатосу... Там, да еще в паре мест, у Осимы шекспировская мощь. Я вообще люблю Осиму, но не за интерес к патологии, а за адское чувство своей неуместности в мире, которое у него в каждом кадре так и сквозит.

Из японской прозы я выделил бы, пожалуй, один рассказ Акутагавы, который в конгениальном переводе Аркадия Стругацкого, сентиментальном, язви-

тельном и лаконичном, известен в России чуть не каждому любителю ужасного и чудесного. Я говорю о «Носе», об истории монаха, который решил избавиться от главного своего уродства и понял вдруг, что только в этом уродстве и заключается его неповторимое я. Именно «Нос» научил читателя рассматривать свои душевные болезни, комплексы и мании не как проклятье, но как черты индивидуальности, даже, пожалуй, исключительности. Все мы смиренно научимся их принимать и даже, пожалуй, любить – «подставляя свой длинный нос осеннему ветру». Эти великие последние слова – слова примирения с собственными маниями, притяжения собственных исключительных и, пожалуй, уродливых черт, – остались нам не только завещанием Акутагавы, но и символом истинно японского отношения к жизни. Жаль мне тех, у кого нет такого редкого и персонального безумия, таланта или на худой конец

такого носа, какой был у монаха Дзэнти; впрочем, стоит приглядеться – и нечто подобное отыщется у всякого. Хвала Японии, не продавшей свою самобытность за одинаковость, – и объяснившей всем, почему без правильно понятой смерти не бывает правильно прожитой жизни. 🍎

*Хвала Японии, не продавшей свою
самобытность за одинаковость...*